

НОСТАЛЬГИЯ

«Игра воображения, основанная на исторических фактах, неизбежно рождает мифы». – Так думал прохожий, остановившийся передохнуть на одной из центральных площадей Рязани, в том месте, где пешеходный отрезок Почтовой улицы прерывается шумной, оживлённой улицей Ленина. Прямо перед ним, на осыпающемся постаменте из красного камня, громоздился массивный бронзовый памятник: конь, поднявшийся на дыбы, несущий на себе древнерусского воина в доспехах, но без шлема. Суровое выражение лица и поза всадника, властный жест его правой руки, всё в нём выражало непреклонную, угрюмую решимость.

Ни надписи, ни таблички на постаменте не было, но прохожий и не нуждался в подсказках. Он родился и вырос в Рязани и, следовательно, не мог не узнать во всаднике Евпатия Коловрата, народного героя, защищавшего рязанские земли от нашествия «нечестивой» Батыевой орды. К тому же превосходный, полный внутреннего движения памятник работы местного мастера был знаком ему из новостей.

Как бы то ни было, прохожий размышлял не о памятнике, и даже не об истории Неистового Евпатия, описанной в древней «Повести о разорении Рязани Батыем», а о поэме Есенина, посвящённой подвигу Коловрата.

«Любой, кто берётся трактовать историю, – думал он, – вольно или невольно искажает не только прошлое, но и настоящее. Поэт использует вымысел для придания выразительности своим сочинениям, политик – для пропаганды, учитель – для наглядности, учёный – для создания убедительных, связанных теорий. Факты похожи на каменные глыбы, тяжеловесные, грубые, неотёсанные, а воображение – на инструмент, способный придавать им любую форму. Стоит вмешаться воображению, и глыбы, как по волшебству, выстраиваются в стройные воздушные замки. Мифы могущественнее реальности. Неудивительно, что на протяжении тысячелетий человечество раз за разом совершает всё те же ошибки, как будто нарочно забывая дорого стоивший опыт прежних поколений, заменяя его сказками, населяя прошлое картонными персонажами, раскрашенными в зависимости от потребностей текущего дня».

Продолжая размышлять подобным образом, прохожий повернулся спиной к памятнику, пересёк улицу Ленина и зашагал по ней в сторону Театральной площади. Он направлялся в один из местных ресторанов, где в скором времени должен был начаться неформальный бан-

кет в честь завершения съезда работников образования. Прохожий был учителем истории.

Ему давно уже не приходилось бывать в Рязани. Десять лет назад, сразу же после окончания университета, он женился и переехал в Балашиху. Вслед за ним в Московскую область переселились его родители, предпочитавшие жить поближе к внукам. Все выходные и праздники дружная семья проводила на даче. Возвращаться в Рязань было не к кому и незачем. И главное, возвращение разбудило бы в нём тягостные мысли о прошлом, те самые мысли, которых он старался избегать.

Нет, в его прошлом не было трагических событий, в нём не было ровно ничего особенного или примечательного. Тем не менее, случайные воспоминания о городе, где прошло его детство, о школе, в которой он учился, об университете, неизменно отдавались в его душе тягучим чувством тоски, смутным, неопределённым, возникавшим на грани между прежними и новыми впечатлениями. Прошрое представлялось ему в виде застывших, идиллических картин, полных света и ярких красок. То, что жило в его воспоминаниях, было отдельным миром, ясным, законченным, совершенным. Окунувшись в него даже на минуту, было жаль возвращаться назад, к скучным житейским делам, к практическим мыслям, мелким и незначительным, не имеющим никакого отношения к тому, что составляет собою вечность.

Он гнал воспоминания, чтобы они не тревожили его, и это было легко, пока он оставался в гуще событий, был занят семьёй и работой, и ничто не напоминало ему о том, потерянном мире, способном ожить и рассыпаться чудесным ворохом томительно-прекрасных картин. Вернувшись в Рязань, он оказался бы беззащитным перед лицом прошлого, перед неудержимым потоком памяти, обжигающим душу сладкой печалью, предвестницей вдохновения и горького похмелья от невысказанного, затаившегося внутри.

И всё же, когда ему предложили поехать на съезд учителей, он согласился сразу, без колебаний. Прибыв на место, он с удивлением обнаружил, что город не пробудил в нём никаких особенных эмоций. Он оказался меньше, приземлённее, будничней, чем он ожидал. Работа съезда не оставляла времени для долгих прогулок, поэтому теперь он не спешил, медленно шагал по улице Ленина, с интересом разглядывал знакомые здания, вывески магазинов, деревья, лица встречаемых людей, низкие белые облака, затянувшие небо, но не мешавшие солнцу освещать всю улицу ровным, нерезким светом.

Стоял один из тех удивительных августовских дней, когда всё вокруг кажется полупрозрачным, и тени, зацепившиеся за карнизы домов или прикившие к земле под кронами деревьев, выглядят ненастоящими, как будто нарисованными рукой неумелого художника.

Вскоре прохожий поравнялся с небольшим старинным каменным зданием, выкрашенным в салатовый цвет, и задержался перед ним, рассматривая трёхконные ризалиты¹ и растительные узоры из лепнины, украшающие фронтоны² и квадратные филёнки³. На стене здания имелась мемориальная доска, извещавшая о том, что в этом доме некогда жил великий писатель-сатирик Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

Прохожий постоял в нерешительности, потом неожиданно развернулся и направился в противоположную сторону. Он спустился под мост, прошёл по бывшему руслу реки Лыбедь, превратившемуся в несколько запущенный бульвар; мимо цирка, закрытого на ремонт; поднялся наверх и оказался в тихом, безлюдном переулке, соединяющем Новослободскую улицу с Соборной площадью.

Здесь его окружила атмосфера старого города: разбитый асфальт тротуаров, раскидистые деревья, нестриженные газоны, заросшие бурьяном и едва заметный, более воображаемый, чем осязаемый запах старины.

Справа от него теснились ветхие постройки: что-то похожее на сарай с шиферной крышей, кирпичный гараж, далее шли ворота во двор, калитка и, наконец, небольшой одноэтажный деревянный дом с четырьмя окнами по фасаду. К этому дому и направился прохожий. Он осторожно прикоснулся ладонью к шершавой дощатой стене, словно желая удостовериться, что здание действительно стоит на своём месте. Впрочем, он и в самом деле пришёл сюда именно за этим. Ему почему-то было чрезвычайно приятно, что старенький дом до сих пор не снесли и, по-видимому, не собирались сносить. Об этом свидетельствовали недавно отремонтированный каменный цоколь и отсутствие объявления, предупреждавшего о скором расселении жильцов. По дороге он видел несколько подобных объявлений, прибитых к стенам других деревянных домов, которыми изобиливали окрестности.

---

¹ *Ризалит* - выступ в фасаде, идущий сверху вниз во всю высоту здания.

² *Фронтон* - треугольная или круглая верхняя часть фасада здания, ограниченная двускатной крышей.

³ *Филёнка* - украшение на стене здания в виде прямоугольной панели.

Этот дом отличался от других тем, что его украшали сразу две мемориальные доски. Первая гласила: «Здесь с 1956 г. по 1981 г. жил Герой Советского Союза полковник артиллерии Самохин Анатолий Николаевич». Во второй говорилось: «В этом доме в тридцатые годы XX века бывали известные русские писатели А.П. Гайдар, К.Г. Паустовский, Р.И. Фраерман».

Прохожий прочёл обе надписи и, ещё более задумавшись и совершенно позабыв о банкете, побрёл в сторону Рязанского кремля. Он думал о том, что значили для него имена, выгравированные на памятных досках. Никто из упомянутых там людей не был его родственником, но он знал биографию каждого из них лучше, чем биографии собственных предков, живших в те же времена. Фамилии писателей, конечно, давно уже стали символами, но символами чего? – ушедшей эпохи, гуманизма, национальной культуры или просто человеческого стремления к сотворению кумиров? Так или иначе, но символы эти были настолько сильны, что окутывали своей аурой всё, к чему прикасались: дома, памятники, сознание людей.

«А ведь символы – это тоже мифы! – подумал прохожий, – а я, не далее как полчаса тому назад, ругал их, призывал отказаться от них в пользу фактов, и тут же сам поддался их очарованию! Каково!»

Он вошёл в кремль не по мосту, как делает большинство приезжих, а по тропинке, ведущей с улицы через старинный, полузасыпанный ров и внушительный крепостной вал, возведённый почти тысячелетие назад для защиты города от набегов степных кочевников.

По территории кремля бродила группа туристов, судя по всему – иностранцев, в сопровождении гида. Прохожий уловил несколько слов, сказанных экскурсоводом по-французски, и насторожился: женский голос показался ему знакомым, но он никак не мог припомнить, где и когда он слышал его в последний раз.

Вклинившись в группу французов, прохожий приблизился к gidу, высокой, стройной, строго одетой даме лет тридцати, взглянул на неё и тотчас отвернулся. Его щёки вспыхнули ярким румянцем. Он поспешил отойти в сторону и остановился в некотором отдалении, не отрывая глаз от экскурсовода. Сомнений не было: это действительно была Женя Полозова, предмет его тайного обожания в старших классах средней школы.

Она изменилась, сделалась серьёзней. Природный, светло-русый цвет её волос превратился в каштановый. Её лицо, застывшее в заученном выражении натянутой приветливости, показалось ему одно-

временно знакомым и чужим, гораздо более чужим, чем лица посторонних людей, гулявших на площади перед Успенским собором.

Он отдавал себе отчёт, что площадь, против обыкновения, была полна народа, но не замечал никого, кроме неё. До него доносился её голос, и хотя он не понимал ни единого слова по-французски, у него сложилось впечатление, что ей было скучно в очередной раз рассказывать одну и ту же историю, перемежая её набившими оскомину старыми шутками. Туристы тоже явно скучали, глазели по сторонам, перешёптывались.

Спустя какое-то время группа направилась в сторону собора. Женя шла впереди, не переставая говорить и жестикулировать. Прохожий последовал за туристами, ещё не вполне представляя себе, что он будет делать, когда экскурсия кончится, и Женя останется одна.

Один за другим французы поднялись по лестнице на высокий подклет¹ и столпились слева от входа, перекрыв всё узкое пространство гульбища². Опасаясь быть узнанным, прохожий остался стоять у дверей, делая вид, будто рассматривает резные полуколонны из белого камня. Когда туристы отправились в обход храма, он спустился по лестнице, вышел на набережную реки Трубеж и остановился подле низенькой чугунной ограды, ожидая окончания экскурсии.

Бурно разросшиеся деревья и кустарники закрывали вид на обмелевшую реку. Воды не было видно, зато внизу, чуть ли не под ногами, колыхалось на ветру зелёное море листвы, подёрнутое серыми пятнами серебристых ив, а чуть поодаль, как белый корабль, взобравшийся на гребень огромной волны, рвалась к небу пятиглавая церковь Спаса на Яру, отражавшая небо золочёными куполами.

Прохожий смотрел вдаль, и беспокойство понемногу покидало его, уступая место привычной грусти, внезапно охватившей его в самый неподходящий момент. Он предпринял отчаянную попытку заглушить грусть, обезвредить её, поймав на удочку здравого смысла, несокрушимой обывательской логики.

«Ну о чём мы будем с ней говорить? – рассуждал он. – Я расскажу о себе не то, что хотел бы рассказать и услышу не то, что хотел бы услышать. Начнутся расспросы о жизни, о семьях, об общих знакомых и ещё какой-нибудь чепухе. Окажется, что она замужем, что у неё двое, нет – трое детей, что муж финансист или чиновник. И моё

---

¹ Подклет – нижний, нефункциональный этаж храма.

² Гульбище – приподнятая над землёй, крытая или открытая галерея вокруг церкви.

представление о ней изменится навсегда, и я уже не буду помнить её такой, какой она была тогда...»

Здравый смысл не действовал. Прохожий обернулся и увидел, что экскурсия подошла к концу. Французы вежливо прощались с Женей, улыбались ей, фотографировались на фоне так и не понятого ими произведения московского барокко.

Он махнул рукой и быстрым шагом направился к рассыпавшейся группе. Туристы потянулись к выходу из Кремля. Женя осталась на площади одна. Она посмотрела на часы, вздохнула и пошла к мосту, но, не доходя до него, свернула налево и вышла на тропинку, тянущуюся по поверхности земляного вала. Здесь прохожий догнал её и собирался окликнуть, но в последний момент передумал, покачал головой, вытер тыльной стороной ладони пот, выступивший у него на лбу и, как был, в парадных, наглаженных брюках, уселся на траву, покрывавшую вал и вытянул ноги.

Перед ним простиралась Рязань, новая, многоэтажная, и старая, деревянная, чёрная от времени, но ещё не окончательно покинутая. Память текла в прошлое, жизнь – в будущее, они не могли встретиться и пересекались только в одной точке – в сознании хранителя воспоминаний, совмещавшем в себе противоположно направленные векторы, две мощные силы, разрывавшие его душевное спокойствие, тянувшие воображение в разные стороны. Как примирить непримиримое, не изменив направление одной из сил, не направив её вспять, туда, куда вынужденно стремится всё сущее в природе?

Прохожий поднялся и долго ещё гулял по кремлю; забрёл по рассеянности на хозяйственный двор, за что был строго отчитан какой-то крикливой сотрудницей музея, но даже не заметил этого. В конце концов, он снова очутился на набережной и обратил внимание, что вся ограда была увешана навесными замками с именами новобрачных. Некоторые замки были совсем новыми, другие успели потемнеть и покрыться ржавчиной. «Люба и Игорь», – прочитал он на одном из замков и усмехнулся.

«Мифы, – подумал он. – Мифы и символы! Ну и что? Пусть часть моего прошлого, да пусть хоть всё оно – лишь вымысел, этот вымысел дороже правды, потому что дарит мне вдохновение вместо чувства утраты, а вдохновение, даже пропавшее даром, делает человека мудрее. Если я сам не изобрету себя, кто сделает это за меня?»

Прохожий вышел в город по Глебовскому мосту. Он шагал по улице и испытывал чувство тихой печали, но на сей раз к ней не приме-

шивалось разочарование. Напротив, где-то внутри него робко теплилась радость, и всё, к чему прикоснулся его взгляд, сияло светом и красками, подобно далёким воспоминаниям давно ушедшего детства.

Июль 2016.